

□После того как Фусигуро Эри поправилась и выписалась из больницы, Тодзи без лишних раздумий разграничил свои личности. Отправляясь на грязную работу, он неизменно представлялся Дзэньином Тодзи. В самом деле, какое отношение благополучный семьянин Фусигуро имеет к грехам наемника Дзэньина? Если кто-то жаждет мести — милости просим в поместье клана Дзэньин.□

Представители клана Дзэньин в зале безмолвно уставились на экран.

Никому и в голову не могло прийти, что этот паршивец столь нагло использует их великую фамилию как громоотвод!

Впрочем, зная характер Тодзи, сомневаться не приходилось: он наверняка успел нажать прорву врагов под именем Дзэньин. А расплачиваться за его художества пришлось клану, который даже не подозревал, сколько чужих долгов и темных дел на него повесили.

**□В свободные от заказов дни Фусигуро Тодзи превращался в образцового домохозяина и заботливого отца. «Небесный тиран», нацепив милый фартук с медвежонком, совершенно не смущался столь нелепого контраста. Он ловко управлялся у плиты, кормил младенца из бутылочки и укладывал его спать, притом делал все безупречно. В конце концов, обостренные до предела чувства «Небесного проклятия» даровали ему абсолютный контроль над телом — за какое бы дело он ни брался, результат выходил идеальным.

К сыну, маленькому Мэгуми, Тодзи порой выказывал напускное нетерпение, ворча на него «мелкий паршивец», однако пеленать, кормить и убаюкивать у него получалось на удивление нежно. Эта контрастная, почти карикатурная забота — словно свирепый тигр, вышивающий гладью, — выдавала его глубокую любовь к сыну.□**

**□Однако стоило ребенку подрасти и начать хоть что-то понимать, как Тодзи принялся поддразнивать его. Любимой забавой непутевого отца было стащить у малыша лакомство, дожидаться, пока Мэгуми вот-вот расплачется, и в последний момент вернуть добычу обратно. Настоящий эталон вредного папаши! Не будь рядом Эри, сдерживающей его порывы, Тодзи наверняка зашел бы в своих играх куда дальше.

При жене он оставался образцовым родителем — заботливым, терпеливым и чутким. Но стоило Эри переступить порог дома, как любящий отец тут же превращался в ленивого пройдоху, заставляя едва научившегося ходить сына таскать ему пульт от телевизора.□**

**□Мэгуми рос послушным ребенком. Даже под прицелом отцовской лени он покорно ковылял к журнальному столику, хватал пульт и, покачиваясь, словно маленький утенок, возвращался обратно:

— Папа, на!

Вдруг малыш споткнулся и едва не полетел носом в пол. Развалившийся на диване Тодзи

молниеносно вытянул ногу, аккуратно подхватив падающего сына ступней. Избежав падения, Мэгуми радостно обхватил отцовскую ногу руками и, запрокинув голову, невинно заулыбался:

— Папа!

Тодзи со вздохом согнул колено, подтягивая ребенка к себе, и загреб его подмышку. Перехватив пульт, он невозмутимо переключил телевизор на трансляцию скачек:

— Мелкий, ты почему на ровном месте спотыкаешься? Ходить сначала научись!□**

**□Мэгуми даже не подумал обидеться. Уставившись в экран, он требовательно захныкал, требуя включить мультики. Тодзи, мечтавший посмотреть скачки, упирался до последнего, но стоило сыну широко раскрыть глаза и приготовиться к оглушительному реву, как наемник мгновенно зажал ему рот ладонью:

— Ладно, ладно, переключаю! Будут тебе мультики!

Он поспешно нажал на кнопку, вернув детский канал, и с видом глубочайшего страдания распределился на диване, вынужденный смотреть глупые детские передачи. Каким бы непутевым ни был этот отец, против обаяния собственного сына он оставался бессилён.

Малыш Мэгуми, вспомнив мамины наставления, бодро взобрался на широкую грудь отца и вlepил ему в щеку мокрый, слюнявый поцелуй:

— Спасибо, папочка! Ты самый лучший!

— Тьфу, ну и гадость, — Тодзи соорудил брезгливую мину, вытирая щеку. — Все лицо слюнями измазал, вонючка.

Но вопреки ворчанию, его губы сами собой расплылись в широкой, глупой улыбке до ушей.□**

**□— Мэгуми не вонючий! — обиженно забормотал малыш. — Мэгуми вкусно пахнет, и мама вкусно пахнет! Это папа вонючка!

Тодзи подхватил кроху подмышки и усадил рядом с собой на диван:

— Сиди ровно, когда телевизор смотришь. Лёжа нельзя — глаза испортишь.

Желая подкрепить слова делом, он сам принял чинную позу. Мэгуми покосился на отца и тут же скопировал его осанку. Когда Эри вернулась домой, перед ней предстала умильная картина: отец и сын сидели абсолютно одинаково, сосредоточенно уставившись в экран. На ее

лице невольно расцвела счастливая, теплая улыбка.□**

Первый зал просмотра

Панда расплылся в умиленной улыбке:

— Какая прелесть... Аж на душе потеплело. Чувствую себя ожившим покойником.

— Что за дурацкие метафоры? — фыркнула Дзэньин Маки.

Но в глубине души каждый понимал: сравнение на удивление точное.

Разница между прежним, озлобленным на весь мир Тодзи и этим семейным, умиротворенным мужчиной была колоссальной. Холодный, безжалостный убийца превратился в любящего мужа и заботливого отца, не скрывающего счастливой улыбки.

Эри сидела рядом, мягко сжимая ладонь мужа одной рукой, а другой придерживая маленького Мэгуми. От всей их маленькой семьи веяло таким осязаемым, безоблачным счастьем, что окружающие невольно улыбались.

Второй зал просмотра

Мэгуми опустил голову, не в силах смотреть на экран. Чужое, недоступное ему семейное тепло отзывалось в груди щемящей тоской.

«Значит, этот человек всё-таки умел быть заботливым отцом?.. Будь мама жива, вся наша жизнь сложилась бы иначе?»

Внезапно его ладонь сжали. Мэгуми вздрогнул и поднял глаза на сидящую рядом женщину. Ее силуэт оставался призрачным, полупрозрачным, но тепло материнских рук казалось абсолютно настоящим.

Пытаясь скрыть дрожь в голосе, он тихо произнес:

— Мама, у меня всё хорошо. Правда. Годжо-сенсей заботился обо мне, и сестра Цумики всегда была рядом.

Он промолчал о годах неопределенности и страха, о том, как отец исчез, оставив их одних, когда деньги таяли на глазах. Не стал рассказывать, в каком отчаянии они с Цумики жили, лишённые родительского тепла, и как разрывалось его сердце, когда на сестру пало проклятие, обрекшее ее на кому в больничной палате.

Ему хотелось лишь одного — успокоить маму, показать, что он справился.

Но разве могла Эри, будучи матерью, не заметить за этим внешним спокойствием ту же глубокую, унаследованную от отца привычку обесценивать собственную боль?

Она нежно обняла Мэгуми и прошептала:

— Мэгуми, твое имя означает «благословение». Ты — наше величайшее сокровище, плод нашей любви. Нам бесконечно жаль, что мы ушли так рано и оставили тебя одного без родительской заботы. Но я очень прошу тебя: живи. Расти, ищи свой путь. И когда-нибудь, спустя много-много лет, когда твои волосы станут белыми от старости, ты придешь к нам и расскажешь обо всем, что повидал, о людях, которых встретил, и о красоте этого мира. Договорились?

Услышав слова жены, Тодзи впервые по-настоящему посмотрел на повзрослевшего сына.

Его острый ум мгновенно уловил скрытый подтекст в словах Эри. Она умоляла мальчишку жить. Неужели этот мелкий паршивец уже успел разочароваться в жизни и ищет смерти?

«М-да, проблемный мальчишка».

— Хорошо, мама, — тихо ответил Мэгуми.

Он не знал, сумеет ли сдержать обещание. Век магов краток, смерть подстерегает их на каждом шагу, но расстраивать маму сейчас ему не хотелось.

Эри ласково взъерошила его непослушные черные волосы, однако тревога в ее глазах так и не угасла.

**□После спасения Эри Годжо Хара вернулся к брату. Неспособность полностью избавить женщину от проклятия убедила его в том, что его познания в искусстве печатей и древних рун все еще поверхностны. Не желая мириться с уязвимостью, он твердо решил посвятить свободное время углубленному изучению проклятых знаков.

Сатору, которого брат тут же попытался приобщить к учебе, приуныл — даже любимые пирожные показались ему безвкусными. Теория, не дающая мгновенного прироста боевой мощи, навевала на него тоску. Попытавшись увильнуть от нудных лекций, Сатору заявил, что всецело занят освоением обратной проклятой техники.

Однако Хара мгновенно раскусил уловку, догадавшись, что тот давно ею овладел.□**

**□Экран показал воспоминание.

Юный Сатору раз за разом пытался преобразовать проклятую энергию в положительную, но барьер непонимания казался непреодолимым. Гордость юного гения была уязвлена.

Боясь безнадежно отстать от брата, Сатору решился на отчаянный шаг. Дождавшись, пока Хара уйдет на задание, он заперся в комнате и хладнокровно нанес себе глубокую, смертельно опасную рану. Оказавшись на грани жизни и смерти, в предсмертной агонии он наконец уловил суть техники. Озарение позволило ему мгновенно исцелить себя. Пусть его обратная техника работала лишь на нем самом и была бесполезна для лечения других, барьер был сломлен.□**

Второй зал просмотра

Годжо Сатору хмыкнул, глядя на экран. В некотором смысле их пути сошлись: оба познали суть обратной техники лишь на пороге смерти. Разница состояла в том, что его самого до полусмерти изрезал Тодзи, а альтернативный Сатору хладнокровно нанес удар себе сам, тщательно рассчитав глубину пореза.

Впрочем, на фоне их мучений достижение Годжо Хары выглядело вопиюще несправедливым — тот освоил сложнейшую технику мимоходом, просто потому, что у младшего брата разболелся зуб. Чему тут не позавидовать?

Первый зал просмотра

Годжо Хара, напротив, пришел в ярость. Лицо его потемнело, когда он резко развернулся к брату:

— Сатору! Так вот почему у меня тогда бешено забилося сердце! Я испугался, бросил всё и примчался домой, а ты вел себя как ни в чем не бывало! Я решил, что ошибся в нашей связи, а ты, оказывается, истекал кровью и просто успел зализать раны до моего прихода?!

Связь близнецов всегда позволяла им чувствовать опасность, угрожавшую друг другу. В тот день Хара находился на задании в другой префектуре. Почувствовав резкий укол тревоги, он мгновенно прикончил цель и поспешил назад в поместье. Дорога заняла около двадцати минут — этого времени Сатору с лихвой хватило, чтобы залечить рану, смыть кровь, переодеться и встретить брата с привычной ленивой ухмылкой.

Тогда Хара тщательно осмотрел его, не нашел ни царапины и списал все на ложную тревогу. Кто бы мог подумать, что Сатору устроил опасные игры со смертью в собственном доме!

Узнав правду благодаря экрану, Хара едва сдерживал гнев.

Под безжалостным взглядом брата Сатору попытался спрятаться за плечо Гэто Сугуру:

— Брат! Братишка, выслушай меня! Я всё объясню!

— Изволь, — ледяным тоном отозвался Хара.

— Понимаешь, я просто не хотел отставать от тебя! Ты освоил обратную технику еще несколько лет назад, а я топтался на месте. Мне было невыносимо чувствовать себя слабым, вот я и... сглупил сгоряча.

Услышав это признание, Хара мгновенно остыл. Злость сменилась щемящей жалостью. Он невольно поймал себя на горькой мысли:

«Неужели я сам виноват в этом? Изнурял его требованиями, заставляя тянуться за мной и рисковать жизнью ради силы?»

Сатору был единственным человеком в мире, способным заставить Хару сомневаться в собственной правоте.

Несмотря на твердое убеждение, что его долг как старшего — оберегать младшего любой ценой, Хару захлестнуло острое чувство вины за то, что его успехи толкнули брата на столь безумный шаг.

Заметив, как потеплел взгляд Хары и как на его лице проступило раскаяние, Сатору укорил себя за длинный язык. Знал же, что брат склонен взваливать всю вину на себя. Проще было получить нагоняй — всё равно Хара никогда бы не поднял на него руку.

Он робко придвинулся ближе:

— Ну же, не хмурься. Я ведь жив и здоров. Всё было под контролем, я бы не позволил себе умереть.

— Всё равно ты не должен был скрывать это от меня, — вздохнул Хара. — Будь я рядом, в случае неудачи успел бы спасти тебя. А так... — Он покачал головой. — Ладно. Больше чтобы никаких глупостей.

Хара вовремя вспомнил, что позже наложил на брата защитное проклятие — негласное связующее условие перенаправления урона. Отныне любая попытка Сатору навредить себе обернулась бы ранением для самого Хары. Сатору никогда не допустил бы этого, знает он правду.

Сатору, впрочем, тоже вспомнил об этой тайной сделке и тут же перешел в наступление:

— А сам-то хорош! Кто из нас втихаря заключил со мной связующую клятву о перенаправлении

боли? Ты мне хоть слово сказал?

Хара неловко кашлянул и поспешно отвел глаза:

— Кхм... Экран обновляется. Давай продолжим просмотр.

Сатору лишь недовольно заворчал в ответ.

□Разоблачив Сатору, Хара заставил его признаться в обмане. На экране тем временем возникли воображаемые картины из мыслей младшего близнеца: вот он потрясает брата демонстрацией обратной техники, с легкостью побеждает его в тренировочном бою, и побежденный Хара со слезами восхищения на глазах преклоняет колени и с придыханием зовет его «братиком». Сатору на этих кадрах сиял от абсолютного, детского восторга.□

Сатору мгновенно прошиб холодный пот. Что за мерзавец стоит за этой трансляцией? Зачем вытаскивать на всеобщее обозрение даже его тайные фантазии?!

— Брат, клянусь, это наглая ложь! — поспешно затараторил он. — Я никогда о таком не думал! Экран клеветает на меня!

В тот же миг под сводами зала вновь раздался загадочный бесплотный голос, уже вступавший ранее в спор с Харой:

«Трансляция извлекается напрямую из глубин временных линий и реки судьбы. Каждое показанное мгновение абсолютно достоверно и свободно от искажений!»

Сатору мысленно проклял невидимого суфлера. Какая потрясающая, несвоевременная честность! Неужели у этого существа напрочь отсутствует инстинкт самосохранения, раз оно решило влезть со своими поправками именно сейчас?

Хара даже не взглянул в сторону источника голоса — все его внимание теперь было сосредоточено на съёжившемся Сатору. Его взгляд, подернутый опасным прищуром, обещал мало хорошего:

— Вот, значит, какова твоя истинная цель... А я-то, наивный, поверил, что ты изнурял себя тренировками лишь ради того, чтобы не отставать.

Сатору сглотнул, чувствуя, как по спине струится пот.

Он отчаянно потянул за рукав сидящего рядом Гэто Сугуру, беззвучно шевеля губами: «Спаси! Сделай что-нибудь!»

Сугуру, сохранив на лице маску полнейшего равнодушия, невозмутимо отодвинулся подальше, лишая друга всякой поддержки.

В семейные дела братьев Годжо лучше не вмешиваться. Сатору сам напросился на неприятности, решив посягнуть на авторитет старшего брата, так что пусть расхлебывает это в одиночку.

Невольным спасителем Сатору выступил его взрослый двойник из соседней зоны. Тот с азартом захопал в ладоши, выкрикивая:

— Драку! Устройте драку!

Желание Хары проучить неслуха мигом угасло под натиском нежелания выставлять семейные разногласия на потеху альтернативной версии брата. Он глубоко вздохнул, заставил себя успокоиться и перевел взгляд на экран.

Сатору облегченно перевел дух.

Несмотря на безграничное терпение Хары, в вопросах старшинства он никогда не шел на компромиссы.

Сатору вовсе не боялся получить на орехи — дружеские спарринги между ними случались регулярно. Куда страшнее было обидеть брата. Хара никогда бы не поднял на него руку, но его молчаливая, затаенная обида ранила Сатору сильнее любых тумачи. А заставлять единственного близкого человека страдать Сатору не хотел.

Взрослый Годжо разочарованно опустил руки:

— Ну вот, всё веселье испортили. Почему они не подрались?

— Прекрати раздувать пламя, Сатору, — вздохнул Гэто Сугуру, сидевший рядом с ним в традиционном буддийском облачении. — Какой тебе прок от их ссоры?

— Как какой? Посмотреть зрелище! Это же безумно весело!

К тому же ему было искренне любопытно, как отреагирует таинственный организатор этого показа, если два сильнейших мага альтернативной реальности сойдутся в нешуточной схватке.

**□Директор Киотского магического колледжа Гакуганзи Ёсинобу лично прибыл в поместье клана Годжо, дабы пригласить юных обладателей «Шести глаз» поступить в его учебное заведение.

Слава о строптивом и неуправляемом нраве близнецов уже разнеслась по всему магическому миру. Консервативная верхушка магов была крайне обеспокоена тем, что будущие сильнейшие маги не желают подчиняться приказам. Гакуганзи, как лидер консерваторов, надеялся взять юношей под личный контроль, привить им верность традициям и воспитать из них послушных слуг системы.

Однако реальность превзошла все худшие ожидания. Первым директор встретил Сатору, чья откровенная дерзость едва не довела старика до апоплексического удара. Покидая поместье в ярости, Гакуганзи столкнулся у ворот с возвращающимся Харой, чьё ледяное пренебрежение заставило седую бороду директора мелко трястись от негодования.

Тем не менее этот визит принес неожиданные плоды: Сатору впервые осознал, что поступление в колледж — прекрасный повод вырваться из душных стен оплота гнилых мандаринов и избавиться от навязчивой опеки клановых старейшин.□**

**□Разумеется, Сатору даже не думал о Киото — оплоте консерваторов. Его выбор пал на Токийский магический колледж.

Хара, разумеется, поддержал это решение брата, но не ограничился простыми словами одобрения. Он развернул масштабную тайную кампанию. Задействовав ресурсы клана, Хара провел тотальную чистку кадрового состава Токийского колледжа.

Все сотрудники, от директора и преподавателей до вспомогательных управляющих и технического персонала, были проверены до седьмого колена. Любые лица, имевшие хоть малейшие связи со старейшинами или враждебными кланами, под благовидными предлогами переводились в другие места. Их должности занимали верные сторонники фракции Годжо либо абсолютно нейтральные люди.

К моменту поступления братьев Токийский колледж превратился в неприступную цитадель, куда прочим магическим кланам доступ был закрыт раз и навсегда.□**

От увиденного у многих присутствующих в зале побежали мурашки по коже.

Методичность и дальновидность юного Хары пугали. Этот мальчишка обладал не только колоссальной силой, но и холодным, расчетливым умом, просчитывающим каждый шаг наперед.

Его забота о Сатору была абсолютной, граничащей с тотальным контролем.

В самом деле, если взглянуть на это под другим углом, подобные действия лишали Сатору даже призрачной свободы, ставя под надзор каждого, кто находился рядом с ним в колледже.

Один из зрителей в зале, явно решив прощупать почву и посеять раздор, негромко произнес:

— Это же чистой воды слежка. Окружить брата исключительно своими людьми... Не слишком ли деспотично?

Хара мгновенно определил нарушителя спокойствия. Тот сидел на местах клана Дзэньин — какой-то посредственный маг, способный лишь на пустую болтовню.

Прежде чем Хара успел осадить наглеца, Сатору резко ответил сам:

— Слежка? Бросьте. Нам с братом не нужны соглядатаи, мы и так не разлей вода. Мы даже спим в одной комнате, к чему эти глупости? К тому же Хара ни за что не доверил бы посторонним наблюдать за мной. Если бы он действительно захотел шпионить, то делал бы это исключительно сам.

Словно в подтверждение его слов, экран послушно продемонстрировал, как слуги клана Годжо объединяют две смежные комнаты в общежитии, снося стену и превращая их в просторные общие покои для близнецов.

Зрители в зале погрузились в неловкое молчание.

Они действительно делили одну спальню. При такой степени близости любые шпионы были просто избыточны. Похоже, глухая стена, которой Хара окружил брата, действительно служила лишь одной цели — защите.

Старейшины кланов Дзэньин и Камо лишь скрежетали зубами от досады.

Этот мальчишка, Годжо Хара, с малых лет отличался поразительным коварством. Сначала в строжайшей тайне подготовил почву, выдал из Токийского колледжа всех неугодных, расставил своих людей — и лишь затем официально объявил о поступлении. Неудивительно, что с тех пор Токийский колледж превратился в личную вотчину клана Годжо, куда остальным пробиться было невозможно.

Конечно, высказывать эти обиды вслух никто не решился. Сейчас, когда под контролем близнецов находился практически весь мир магов, любая попытка перечить сильнейшим была чистым самоубийством.

В первом зале Яга Масамити, глядя на экранные кадры кадровых перестановок тринадцатилетней давности, лишь обреченно вздохнул.

<http://bllate.org/book/19549/2004416>